

ПРОЗА
АНДРЕЯ МАКСИМОВА

Андрей МАКСИМОВ

КТО ВАМ СКАЗАЛ,
ЧТО ВЫ ЖИВЫ?

психофилософский роман

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 17

**Издательство выражает благодарность
литературному агенту Светлане Поляковой за помощь в получении прав**

При оформлении обложки
были использованы фотоматериалы
Дмитрия Брикмана

Максимов, Андрей.

М 17 Кто вам сказал, что вы живы? Психофилософский роман. /
Андрей Максимов. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
256 с. — (Проза Андрея Максимова).

ISBN 978-5-17-110645-4.

Любовь. Секс. Самоубийство, которого не было. Труп, принадлежащий
другому.

Тишина заменит жизнь отцу. Суета заменит жизнь сыну.

Они расстанутся, не замечая друг друга. И встретятся, когда сын придет к
отцу после собственной смерти.

Новый роман Андрея Максимова — абсолютно необычен. Он заставит
Вас плакать, смеяться, а, главное, думать.

Этот роман не надо пересказывать. Его надо читать.

Андрей Максимов — известный журналист, писатель, радио- и телеведу-
щий, театральный режиссер. Колумнист «Российской газеты». Автор бестсел-
леров «Психофилософия», «Как не стать врагом своему ребенку», «Психофи-
лософия 2.0» и др.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-110645-4.

© Андрей Максимов, текст
© ООО «Издательство АСТ»

— Скажи, пожалуйста, ты можешь объяснить, что отличает взрослых от детей?
— Конечно. У детей постоянно что-то происходит, а у взрослых не происходит ничего.

Из разговора
с одиннадцатилетней девочкой
Майей.

***Моему младшему сыну Андрею —
с благодарностью за дружбу.***

*Мой труп лежал передо мной.
Мерзкий и отвратительный.
А каким еще и должен быть труп?
Ну все, самое страшное произошло: я умер. Теперь бояться нечего, и можно существовать спокойно.
Я умер, и у меня больше нет никаких воспоминаний. Это самое главное: никаких воспоминаний у меня больше нет.
Просто так представил. Почему нет?
Я даже вздохнул облегченно.
И тут мой труп... зашевелился.*

НАЧАЛО

РАЗ... РАЗ... Отлично!

Поехали!

Мне пятьдесят лет. Я работаю звукорежиссером в знаменитом московском театре. У меня есть жена, сын и периодически появляющиеся любовницы. Еще у меня есть язва желудка. Лысина, которая постепенно и нагло оккупирует мою голову (надеюсь, только снаружи). Иногда я представляю себе лысину внутри — эдакая пустота на месте мозгов, которая все расползается и расползается...

Еще у меня есть имя и фамилия, которые столь же обычны, как и вся моя жизнь. Меня зовут Сергей Сергеевич Петров. И сына моего зовут Сергей Сергеевич Петров. И его сына будут так звать. И мы станем множить количество обычных, никому не нужных людей, которые родились для массы.

Я давно понял: есть люди, которые рождаются для движения. Они двигают эту жизнь — иногда куда надо; иногда — к пропасти. Жизнь движется людьми. Избранниками.

А есть масса, которая сдерживает это движение, чтобы не понесло человечество хрен знает куда. Мы — тупое, бессмысленное, жующее ничто, мешающее прогрессу. Мы называемся «обыкновенные люди».

Назвали нас так, разумеется, те, кто считает себя необыкновенными. И они правы. Мы — обычные. Поддерживающие обычаи. Мешающие движению. Жующие что дадут. Зарабатывающие сколько позволят. И я — такой. И сын мой такой. И его дети будут такими.

Потому что движитель ты или масса — это не от тебя зависит. Это карма такая.

Карма — это что такое? Неясное веление Божие. Господь что-то там решил, и ты теперь так будешь жить. И ты. И потомки твои. Попадем к Нему, тогда выясним, отчего такое происходит.

А пока — так.

Я сбился.

Вот всегда так: задумываю про что-то одно сказать и сбиваюсь. Потому что поговорить не с кем. Как только начинаешь сам с собой беседовать — остановиться невозможно.

Я люблю звук. Мы-то все больше воспринимаем мир как картинку. Даже придумали беззвучные социальные

сети и смеем называть общением эту бессмысленную, беззвучную переписку.

Как можно общаться с человеком, если его не слышишь? Ведь даже глаза могут врать, а голос — никогда. И волнение, и любовь, и страсть — все выдаст голос.

Глаза — друзья. А голос предатель.

Я люблю звук, потому что он — настоящий. Фальшь слышна всегда.

Обожаю фразу Станиславского: «Открылся занавес, и актеры начали врать».

Он может выйти, актер... Или нет — актриса, красотка такая... Вроде Ирки...

Нет, про Ирку не думать сейчас, не думать... Пока есть время не думать — надо не думать.

Тем более не актриса она. При чем тут?

Так вот. Про звук. Она может выйти, актриса... Красотка вся. Груды рвутся из платья. Ноги отмеряют сцену, как циркули...

К зрителям повернется — груди вываливаются. Отвернется — все на задницу пялятся. Пойдет — циркули меряют сцену — не оторваться.

А рот откроет — и все. Первые звуки голоса возникнут, и прям по Станиславскому: врет.

В женщине что главное?

Голос. Ко всему остальному можно привыкнуть, а голос вот если бесит в телефоне — тогда все, кранты. Без вариантов.

В начале было слово. Но слово было сказано. Звук был в начале. Вот в чем дело.

Опять сбился.

Куда меня несет все время?

Нельзя вернуться к тому, что сказано. К тому, что прочитано, — можно. А к сказанному — нет.

Нельзя сказать: мол, вернитесь к тому, с чего я начал, потому что я продолжил так-то и так-то, а хотел смяк-то и смяк-то...

Когда пишешь — да. А когда говоришь — невозможное дело.

А я все это говорю. Наговариваю зачем-то.

Зачем?

Потому что это создает иллюзию общения.

Да — иллюзию. Но все-таки общения.

С магнитофоном мне, честно говоря, больше нравилось общаться, однако и с компьютером тоже можно.

Люди зачем друг с другом разговаривают? К чему звуки эти бестелесные запускают в воздух?

Чтобы они зафиксировались в голове собеседника. И больше ни для чего.

И больше им фиксироваться негде.

Разговор — это фиксация собственных мыслей в чужой голове.

Дурацкое занятие, если вдуматься. А вот компьютер фиксирует на самом деле. Навсегда.

Слово не воробей, говорите? Вылетит — не поймашь, убеждаете?

Еще как поймашь этого воробья!

Вот сидит воробушек... Слово это... Могу громче его послушать — могу тише. Могу порезать, переставить, поменять смысл... Все могу с этим словом, пойманным, сделать.

Все, что угодно.

Я выключаю компьютер и смотрю на часы.

Часы смотрят на меня.

Когда я смотрю на часы, я вижу, как проходит время.

Когда часы смотрят на меня, они видят ровно то же самое: проходит время.

У меня старые часы. Не фирменные. Они долго на меня смотрят. И они уже очень хорошо поняли, как время проходит.

Смотрю в зеркало.

Кто придумал повесить зеркало в будке звукорежиссера — не знаю, но висит. И я в него смотрю.

А оно смотрит в меня.

Я отражаюсь в зеркале. А зеркало во мне не отражается. Зеркало никогда себя не видит.

Зеркало видит меня. И я вижу себя. И картина эта меня не радует.

А Ирку радует.

Она утверждает, что я — красивый мужчина.

Врет?

Когда говорит, что красота в мужчине для нее не главное — точно обманывает.

А вот когда про меня — не знаю...

Если бы она была актриса, я бы ей не поверил точно.

Но она не актриса.

Я смотрю на часы.

Часы смотрят на меня.

Она придет уже сейчас. И надо будет решаться на что-то.

— Ира, тебя не смущает, что у меня есть жена?

Она смотрела на меня снизу вверх, изо всех сил стараясь, чтобы взгляд ее был преданным.

— Главное, что это не смущает тебя, правда? Тебя ведь давно это не смущает?

И снова — взгляд снизу вверх.

Женщина, которая хочет любви, всегда говорит так, словно знает про тебя нечто такое, чего другие не ведают.

«Тебя ведь не смущает, что у тебя есть жена».

Она не спросила. Нет, не спросила. Она утверждала.

А может, не надо решаться? Да и на что? Чего так серьезно относиться ко всей этой... ко всей этой... ко всей этой... с женщинами?

Как пелось в песне моей юности: «Я — твоя женщина, ты — мой мужчина. Если надо причину, то это причина...»

Вот и все.

Так?

СЕГОДНЯ ПОДОШЕЛ придурок этот, Семен Витальевич, учитель литературы, и говорит:

— Петров, будешь на вечере советской поэзии выступать, стих выучишь и прочтешь... Не как всегда, будто одолжение всем делаешь, а с выражением.

Вот учитель... Он подваливает к тебе и начинает сразу в конфликт вступать. Ты еще рта не успел открыть, а он уже тобой недоволен. И хочется сразу отшить его:

— Чего гонишь? Пошел бы ты, дорогой учитель, на хер.

А вместо этого спрашиваешь типа вежливо:

— Какой поэзии, Семен Витальевич?

И изо всех сил стараешься смотреть на него нормально, вроде без стеба.

А он все равно:

— Нечего тут лыбиться, Петров. Советской. Именно советской. Тут некоторые хотят уничтожить весь этот этап русской литературы, сделать вид, будто не было у нас: Маяковского, Горького, Федина, Катаева...

Да, Петров, не улыбайся! Многие так хотят сделать. Ах, до чего многие!

Удивительное дело! Учителя звереют просто, когда мы улыбаемся. Конкретно так из себя их выводит улыбающийся ученик! Казалось бы, радуйтесь, педагоги, ваши ученики живут с улыбкой!

Так нет! Ничего их так не взбешивает, как наши улыбки.

Семен Витальевич продолжал свою лекцию. Он очень любит речи произносить. Количество слушателей его лекций ему явно пофигу. Не удивлюсь, если встает он перед зеркалом и сам для себя такую пургу гонит. — Тебе, Петров, между прочим, экзамен по литературе сдавать. Так что слушай внимательно... Советская литература — это огромный этап русской литературы! Огромный и своеобразный, понял меня? Запомни эту формулировку: огромный и своеобразный. Пригодится еще. И если кто-то хочет вычеркнуть этот этап из истории русской литературы, то я так скажу: «Не выйдет, господа хорошие, ничего у вас!»

Я почему-то сразу представил огромного, толстого человека с таким же огромным и толстым фломастером, который чего-то там такое вычеркивает — неясно, правда, откуда. Когда Семен Витальевич начинает свою лагу, хочется исчезнуть и испариться. Но это никогда не удается.

— Советская литература открыла новый тип человека, — учитель продолжал трепать так,

будто перед ним сидела огромная аудитория. — И эту формулировку, Петров, запомни. Нового человека, понимаешь, Петров? Человека, который любит Родину больше, чем себя.

Я кивнул.

Хотя я совершенно не понимал: почему, если ты любишь Родину сильно, надо себя непременно любить слабо.

Но не спорить же?

Спорить с учителем — все равно, как в лужу сигать: сам же и обрызгаешься.

— Вечер будет посвящен советской поэзии. И тебе, Петров, выпала огромная честь прочесть стихи Степана Щипачева. Тебе известно, кто такой Степан Щипачев?

— Знаменитый советский поэт, — не задумываясь брякнул я, хоть и слышал эту фамилию впервые.

Семен Витальевич посмотрел на меня с удивлением.

— Найдешь стихотворение, которое начинается строчками «Любовью дорожить умеете...» Запомнишь, Петров? Близкая для тебя тема — тема любви и ответственности. А любви без ответственности не бывает. Понял, Петров? Запомни эту формулировку. В жизни пригодится. Любви без ответственности не бывает. Только так.

«Любви не бывает без секса», — едва не сказал я.

Но вовремя сдержался.

— Найдешь. Выучишь к послезавтра. Вопросы есть?

— В чем смысл жизни? — зачем то спросил я.
— Не умничай, Петров. Вот станешь знаменитым журналистом, будешь умничать. А пока рано тебе.

И он отвалился.

А я остался. Неведомый мне Щипачев считает всех за идиотов, что ли, если начинает с такой банальности?

«Любовью дорожить умеете...»...

Вот если я сейчас подвалю к Ирке и скажу:
— Чтоб любовью дорожила, поняла?

Она решит, что я — окончательный лох.

Впрочем, может быть, она про меня так и думает — кто ж ее разберет?

Прозвенел звонок, и я понял, что перемена опять прошла мимо. Без радостей.

Я плелся в свой класс, представляя, как Ирка, голая, лежит на кровати.

В который уж раз я представляю то, чего никогда не видел.

Я отгонял это видение, но, черт возьми, оно было куда клевей, чем все, что говорил Семен Витальевич, и все, что я услышу сейчас на уроке.

Кстати, какой сейчас урок?

Да какая разница...

РАЗ... РАЗ... Отлично!

Поехали!

Мне пятьдесят лет. Я работаю звукорежиссером в знаменитом московском театре. У меня есть жена, сын

и периодически появляющиеся любовницы. Еще у меня есть язва желудка. Лысина, которая постепенно и нагло оккупирует всю мою голову (надеюсь, только снаружи).

И все это я не люблю.

Люблю разве что сына. Он у меня хороший.хлопот не доставляет. Учится, правда, не очень... Да и ладно. Главное — профессию выбрал, хочет журналистом стать. Я одобряю.

Пишет там все время чего-то. И хорошо. Главное: не пьет, не колетса, с девками не якшается. Нормальный парень.

Журналист — хорошая профессия. Мужская. Я все боялся, что он в актеры пойдет, но пронесло, слава богу. Не мужское это дело: скакать по сцене, чтобы тобой любовались. Я когда вижу, как актеришкам этим цветы дарят и они их так благосклонно принимают... Мерзко становится.

А чего еще и есть-то, по большому счету, кроме ребенка? Вот если ты — не движитель, а масса, то для чего ты? Плавно двигать рычажок, чтобы звуки медленно и красиво заполняли зал?

И все?

В юные годы я балдел от того, что легким движением могу заполнить зал музыкой.

В юные годы я много от чего балдел. Прошло.

Старость — это вычитание удивлений, вот что я вам скажу. Чем старше становишься, тем меньше удивляешься. Так вот жизнь устроена.

Когда человек маленький, его все удивляет. Сережка вот долго смотрел на мир, открыв рот. Буквально. Салют там... Да что салют! Собаку увидит на улице, рот откроет, стоит, смотрит.

Где это все теперь? Планшет ему на день рождения подарили. Даже глаза у него не загорелись. Взял, сказал